

Анри де Ренъе

Маркиз д'Амеркер
(сборник)

Анри де Ренье

Маркиз д'Амеркер (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160055

Аннотация

«...Это вступление маркиза д'Амеркера в историю произошло мало-помалу и укрепляется по мере того, как присутствие его оказывается руководством, и он отнимает ложные знаки отличия у известных исторических фигур, ставших апокрифическими, нарочито преувеличенными для мимики, которая ему самому была неприятна, масками, под которыми можно различить тонкую улыбку их таинственного наущателя. Таким образом он оказывается человеком, который руководил своей эпохой, Раскрываются его тайные деяния и кажется, что, в конце концов, есть причины видеть в нем одну из пружин своего времени. В противном же случае он останется образцом исключительных соответствий, – столь чудесным образом факты его жизни, как бы сами собою, подходят к тому смыслу и значению, которые им хотят приписать. Вся его жизнь представляет одни поразительные совпадения. Вероятности высятся вокруг него такими лесами, что становятся почти чертежом самой истины...»

Содержание

Маркиз д'Амеркер	4
Приключение морское и любовное	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Анри де Ренье Маркиз д'Амеркер (сборник)

Маркиз д'Амеркер

Я не имею намерения писать жизнь маркиза д'Амеркера. Пусть другие работают над осуществлением этого прекрасного плана с терпением и тщательностью бесконечной, я не имею намерения следовать за ними в их осторожных изысканиях, которыми руководит желание осветить, шаг за шагом, существование, замечательное не только своими обстоятельствами, но и посмертным интересом им возбужденным.

Действительно между теми, кто интересуется особенностями и механизмом исторических событий, возник живейший интерес к этой личности. Расследование ведется со многих сторон, и совместные усилия стольких усидчивых изысканий не замедлят, разумеется, осветить загадки судьбы.

Ничто не забывается так быстро, как та слава, какую знал при жизни маркиз д'Амеркер. Будучи в свое время на виду приключениями на войне настолько же, как любовными связями, щегольством и подвигами дерзкого волокиты, он казался предназначенным скорее для досугов рассказчиков,

чем для бдений историографов, и не малой неожиданностью было узнать об его участии в наиболее серьезных исторических событиях, и не только о том, что он был в них замешан, но проводил их с начала до конца, правя всеми перипетиями интриг.

Это вступление маркиза д'Амеркера в историю произошло мало-помалу и укрепляется по мере того, как присутствие его оказывается руководством, и он отнимает ложные знаки отличия у известных исторических фигур, ставших апокрифическими, нарочито преувеличенными для мимики, которая ему самому была неприятна, масками, под которыми можно различить тонкую улыбку их таинственного наущателя. Таким образом он оказывается человеком, который руководил своей эпохой, Раскрываются его тайные деяния и кажется, что, в конце концов, есть причины видеть в нем одну из пружин своего времени. В противном же случае он останется образцом исключительных соответствий, – столь чудесным образом факты его жизни, как бы сами собою, подходят к тому смыслу и значению, которые им хотят приписать. Вся его жизнь представляет одни поразительные совпадения. Вероятности высятся вокруг него такими лесами, что становятся почти чертежом самой истины.

Я не хочу мешать удивительному преображению памяти того, кто имеет так много прав на мои симпатии. С детства я восхищался маркизом д'Амеркером. Между его семьей и моей существовала связь, и мне доставляет удовольствие ви-

деть, принятым ныне всеми, то мнение, которое разделялось отчасти моими родными. Они часто говорили об этом замечательном человеке, и рассказы о его разнообразных приключениях, которые не замалчивались предо мной, приводили меня в восторг. Интерес, ими возбужденный никогда не изгладился из моей памяти, и глубине именно этого детского очарования впоследствии я был обязан честью посещать героя стольких прекрасных историй.

Маркиз д'Амеркер провел последние двадцать лет своей жизни в глубочайшем уединении, что было достаточно для того, чтобы газеты передавали весть о его смерти без всяких комментариев.

Он покинул страну после блестящей опалы и своего падения. Он странствовал. После наступило забвение. Он оставил по себе кроме того шума, который наделал когда-то таинственный его побег, лишь поверхностную репутацию нескольких военных и любовных подвигов, да воспоминание о некоторых странностях, сохранивших ему смутную известность которая и послужила исходной точкой для позднейших изысканий, последовательные открытия которых вознесли его так высоко.

Случилось, что будучи юношей в тот промежуток молчания, который предшествовал смерти маркиза д'Амеркера, я услышал в гостинице далекого и маленького городка это имя, которое для меня было связано с целой интимной легендой. Я навел справки здесь и там и убедился в том, что этот Амер-

кер действительно был никто иной, как знаменитый маркиз, о котором я мечтал в отрочестве. Я сделал попытку его увидеть; он дал мне просимое свидание, на которое я не замедлил явиться. В глубине площади я увидел отель маркиза д'Амеркера. Это было обширное здание, построенное из известняка. Три окна под фронтоном открывались на балкон с выгнутой решеткой, который, с каждой стороны двери, поддерживали барельефные кариатиды; другие окна были закрыты ставнями, окна же нижнего этажа защищены железными решетками. Фронтон и вазы, которые украшали крышу, бросали на фасад, один – косою треугольник, другие – ряд зазубренных теней. Посередине пустынной площади струя фонтана ниспадала в плоский водоем. Собака, спавшая на солнце, ловила на лету муху. Там и здесь слышалось их жужжание. Несколько сидевших на стене казались в нее врезанными; три слетело с ручки звонка, когда я звонил.

Знойное оцепенение площади дало мне оценить прохладу широких сеней. Штуковые арабески мерцали на стенах, выложенных желтым и зеленым мрамором. Лакей провел меня, хромя, через столовую, в которой еще не был убран обеденный прибор. На серебряной тарелке свертывалась кожура плодов. Вино в стакане граненого хрусталя алило скатерть пурпурной тенью. Чувствовался легкий запах специй, конфет и табаку.

– Г-на маркиза здесь нет, – сказал человек, приподымая портьеру. – Я пойду доложить ему. Он играет в шары.

Я стоял в длинной галерее, застекленные двери которой открывались в сад. С розового куста, оплетавшего стены снаружи, свисало несколько роз. Одна великолепная – пурпурная и торжественная – прижимала к переплетам оконницы нежную плоть своих лепестков, другая, белая и маленькая, казалась упоительно блеклой, сквозь зеленоватую воду стекла, через которое были видны два цветника, граничившие плоский бассейн и очерченные полукругом высоких подстриженных буксов. Туда сходились три расходящиеся аллеи, и перспектива их отражалась наоборот в трех больших зеркалах, возвышавшихся в глубине галереи на золотых консолях в рамах резного дерева. Здесь и там на колонках стояли античные бюсты. Крытая гобеленами мебель прислоняла к стенам свои массивные табуреты и монументальные кресла. Посередине стола стояла прекрасная ваза черного с жилками агата, рядом с ней лежал очешник, из которого наполовину были вынуты золотые очки.

Маркиз, говорили мне, по-прежнему подвижен, несмотря на свои восемьдесят лет. Каждый день он играет свою партию в шары. Он прервал ее, чтобы принять меня.

Он шел из глубины средней аллеи, и большой рост его уменьшался тем, что он опирался на палку. Полы тканого шелками плаща били его по щиколоткам. Он подошел к стеклянной двери, и от движения, что он сделал, чтобы растворить ее, засверкали на пальцах камни перстней. Он глядел в мою сторону, не видя меня, благодаря сверканью сте-

кол, о которые стучал золотой набалдашник его трости, что он придерживал локтем.

Входя, он сбросил фетровую шляпу на стул и обнажил маленькую голову с белыми, под гребенку остриженными волосами. Смуглое, оливкового оттенка лицо озарилось очень бледными голубыми глазами. Руки его жили, нервные и сильные, не окоченелые и не худые, не слабые от усталости, не скрюченные от ожесточения, как часто бывают руки стариков.

При моем имени маркиз любезно приветствовал меня:

– Добро пожаловать, – сказал он, – я хорошо знал ваших двоюродных дедов – Адмирала и Посланника.

Говоря это, он взял на столе в агатовой вазе тонкую трубку, набивши ее, закурил, и стал прохаживаться легкими шагами, останавливаясь иногда передо мною. Клубы дыма прерывали его фразы.

– Я как сейчас вижу Адмирала, – говорил он мне, – никакого сходства между ним и его братом ни в росте, ни в сложении. Его фигура поражала. Я служил под начальством обоих, и если в этом есть честь для меня, то потому, что предприятия их требовали и смелости и проницательности. Если они не берегли себя, то они не щадили и других. Их эскадра и их канцелярия были не легким ремеслом. Я испытал то и другое и смею уверить, что морская дисциплина была не более строга, чем требовательность дипломата.

Да, я так и вижу вашего дядю в его зеленом мундире и

пунцовых чулках, стоящим на палубе; корабль его оставлял за собою запах пороху и кухни. Марсовой и поваренок там задирали друг друга. Изобилие его обедов равнялось только ярости его абордажей, В трофеях его трезубец Нептуна скрещивался с вилкой Комуса.

А другой со своей миной священника и лицом опрятной старушки. Все средства ему казались годными. Он пользовался всякими уловками. Разве он не возил с собою трех чревовещателей, чтобы безукоризненно имитировать его голос во время тех свиданий, от которых он желал сохранить себе возможность отречься, и где специальный мим изображал его фигуру. Его гардероб состоял из всевозможных маскарадных костюмов; его аптека была составлена из всех ядов и всех косметик; он пользовался ловкостью наемных убийц, искусством акробатов и улыбками женщин.

В последний раз я встретил их обоих очень старыми, и того и другого, одного в маленьком городке, другого в уединенной деревне. У Адмирала была подагра, а Посланник был глух. Один занимался коллекционированием раковин, другой разводил тюльпаны. У них было очень много прекрасных экземпляров, и каждый год они посылали друг другу какую-нибудь раковину, похожую на тюльпан, или тюльпан, похожий на раковину, и так до тех пор, пока оба они не умерли, не отходя от своих витрин или своих теплиц, и в последний раз скрестили свои руки, которые так грубо и так тонко правили людьми, и последнее движение которых было при-

лепить этикетку на раковину и поставить номер на луковицу.

– Да, – ответил я, – это были удивительные фигуры, и то, что мы знаем о них, заставляет только пожалеть о том, что они сами ничего не записали из того, что они знали. Почему не рассказали они о всех подробностях своих маневров или о ходах своих интриг.

Маркиз положил на стол потухшую трубку, которая просыпала на мрамор пепел своей маленькой черной урны.

– Фи! – воскликнул он, почти покраснев от гнева – записывать свою жизнь, ставить самого себя на место случая, который по предназначению копит в памяти людей то, от чего лепится оттиск медали или рельеф саркофага! Да, некоторые совершили ошибку, эту претенциозную непредусмотрительность.

Описывать свою жизнь, разыскивать последовательность наших поз, мотивы наших поступков, место наших чувств, строение наших мыслей, восстанавливать архитектуру нашей Тени! Все имеет значение только в той перспективе, в которой случай располагает осколки, в коих мы переживаем себя. Судьба окутывает себя обстоятельствами, усвоенными ею. Есть некий таинственный отбор между ветхим и вечным в нас самих.

Промахи и неловкости готовят иногда деяния великолепные. Молниеносный удар шпаги, наносящий рану и пронзающий, может иногда требовать совершенно неграциозного напряжения мускулов. Судорожно скорченные на

эфесе пальцы направляют молнию лезвия. Все только перспектива, только эпизод. Статуя из тысячи промежуточных жестов воплощает только окончательный.

Какую ничтожную память сохранили бы вы обо мне, если бы вы узнали все от меня самого! Вы бы может и не удивились вовсе тому, что я – Полидор д'Амеркер, принятый и в постелях принцесс и при дворе королей, носивший и меч и маску, живу здесь в этом доме, старый и одинокий, если бы я вам объяснил почему я здесь. Я разрушил бы несвязанность художественно необходимую.

Каждый знает мои пять лет заточения в одиночной тюрьме, но никому еще неизвестно, как я попал туда и как вышел оттуда. Моя опала остается тайной и бегство чудом. Побочных подробностей факта не существует. В Архивах нет ни одной бумаги, касающейся моего приговора, и ни один из инструментов послуживших мне для моего побега, найден не был.

Человек, объясняющий свои поступки, уменьшает себя. Каждый для себя должен сохранить свою тайну. Всякая прекрасная жизнь слагается из отдельных моментов. Каждый бриллиант единственен, и грани его не совпадают ни с чем кроме того сияния, которое получают они.

Для самого себя, можно еще раз в мечте пережить каждый из прожитых дней; для других же следует являться в своей прерывности. Собственная жизнь не рассказывается, и каждому следует оставить удовольствие вообразить себе ее.

Маркиз ходил взад и вперед по зале. Конец его трости звенел о паркет. Луч солнца переливался в перстнях на его руке. Я глядел на него. Длинный плащ его задевал угол стола и сметал серый пепел, рассыпанный его трубкой, и я думал о его жизни, необычайной изменчивостью своих обстоятельств, балами и сражениями, дуэлями и романами, полной неожиданности и вспышек, ропот и отголоски которой он навсегда затаил в глубине своей памяти.

Таково было мое первое свидание с маркизом д'Амеркером. Он говорил мне именно эти самые слова. С тех пор уже удалось восстановить канву этой жизни, из которой знаменитый маркиз делал такую тайну. Силуэты стали статуей. Несколько анекдотов, приводимых нами здесь, относятся ко времени его юности; маркиз д'Амеркер рассказывал о ней охотно и мало-помалу оставил со мною свою сдержанность. Мое благоразумие никогда не рисковало беспокоить его. Я слушал, не предлагая вопросов. Этой сдержанностью я заслужил его доверие, до того, что он позволил мне списать длинное письмо, где дело шло о нем. Оно рассказывало об одном эпизоде его юности, который нравился ему самому и весьма позабавил меня. Читатель найдет его среди этих историй. За исключением этого, все остальные воспоминания имеют источником наши беседы, во время которых я слышал их рассказанными этим знаменитым рассказчиком.

Я не имею иных претензий кроме точного воспроизведения того характера, который он придал им сам, передаю ли

я их содержание, или вкладываю повествование в его собственные уста. Быть может эти краткие истории, события которых показались мне примечательными, послужат, без моего ведома, для заполнения каких-нибудь прорывов в том изучении, которое собирает все, что имеет какое-нибудь отношение к нашему герою.

Грани его не совпадают ни с чем кроме того сияния, которое получают они.

Для самого себя, можно еще раз в мечте пережить каждый из прожитых дней; для других же следует являться в своей прерывности. Собственная жизнь не рассказывается, и каждому следует оставить удовольствие вообразить себе ее.

Маркиз ходил взад и вперед по зале. Конец его трости звенел о паркет. Луч солнца переливался в перстнях на его руке. Я глядел на него. Длинный плащ его задевал угол стола и сметал серый пепел, рассыпанный его трубкой, и я думал о его жизни, необычайной изменчивостью своих обстоятельств, балами и сражениями, дуэлями и романами, полной неожиданности и вспышек, ропот и отголоски которой он навсегда затаил в глубине своей памяти.

Таково было мое первое свидание с маркизом д'Амеркером. Он говорил мне именно эти самые слова. С тех пор уже удалось восстановить канву этой жизни, из которой знаменитый маркиз делал такую тайну. Силуэты стали статуей. Несколько анекдотов, приводимых нами здесь, относятся ко времени его юности; маркиз д'Амеркер рассказывал о ней

охотно и мало-помалу оставил со мною свою сдержанность. Мое благоразумие никогда не рисковало беспокоить его. Я слушал, не предлагая вопросов. Этой сдержанностью я заслужил его доверие, до того, что он позволил мне списать длинное письмо, где дело шло о нем. Оно рассказывало об одном эпизоде его юности, который нравился ему самому и весьма позабавил меня. Читатель найдет его среди этих историй. За исключением этого, все остальные воспоминания имеют источником наши беседы, во время которых я слышал их рассказанными этим знаменитым рассказчиком.

Я не имею иных претензий кроме точного воспроизведения того характера, который он придал им сам, передаю ли я их содержание, или вкладываю повествование в его собственные уста. Быть может эти краткие истории, события которых показались мне примечательными, послужат, без моего ведома, для заполнения каких-нибудь прорывов в том изучении, которое собирает все, что имеет какое-нибудь отношение к нашему герою.

Приключение морское и любовное

Мое беспокойное детство быстро сменилось трудною юностью, но это можно было простить, так как благодаря ей я семнадцати лет очутился на борту «Несравненного», на котором развевался флаг вашего дяди Адмирала. Эскадра готовилась уже к отплытию, когда отец привез меня в порт. Из гостиницы я следовал за ним по улицам, и он иногда оглядывался, здесь ли я, потому что боялся какой-нибудь выходки с моей стороны и возможности потерять случай от меня отделаться.

Набережные кишели. Крючники, согнувшись под тяжестью ящиков, проходили, расталкивая толпу.

Нас затирали и толкали. Пот струился с загорелых лбов и слюна пенилась на углах губ. Крепкие бочонки пучилась на каменных плитах, рядом с толстыми осевшими мешками. Приходилось прыгать через цепи и путаться в канатах. Длинные сходни, перекинутые с кораблей на землю, гнулись посередине под шагами грузчиков. Корабли переполняли гавань.

Там и здесь среди перекрещенных рей вздувался поднятый парус, и мачты еле заметно двигались в синеве неба. Тут было сборище всевозможных кораблей, раскрашенных в красный, в зеленый, в черный цвет, сверкающих лаком, тусклых и стертых. Пузатые борта терлись о подтянутые бокка. Одни были сильно вздуты, как кожаные мехи, другие за-

острялись в веретено; на носгах были видны очертания фигур, гримасничали маски, вырисовывались эмблемы. Вырезанное из дерева виднелось лицо богини, лик святой или звериная морда. Рты улыбались свитым рылам, – все вместе было варварски наивно или нелепо. Из трюмов шел запах снеди и аромат пряностей. Острый дух рассолов смешивался с запахом смолы.

Маленькая шлюпка взяла отца, меня и мой багаж, чтобы доставить нас к эскадре, бросившей якорь на рейде. Мы пробирались сквозь безвыходные нагромождения порта; весла ритмично подымали то водоросль, то кожуру плода. Зеленовато-мутная вода, засоренная отбросами, казалась мраморной от маслянистых пятен, и в ней плавали внутренности животных. Мало-помалу дорога стала свободнее, препятствия реже, мы обогнули несколько больших судов со вздутыми бортами. Словно присев, они выплевывали струйки грязной воды через морды своих носов; кухонный дым спиралями подымался вокруг мачт; какой-то юнга, взобравшийся на снасти, кинул в нас гнилым яблоком. Я подобрал его и на гнили плода заметил след зубов, которыми этот сорванец смеялся нам, сидя верхом на рее.

Шлюпка начала слегка покачиваться и миновав мол, мы увидели эскадру; она стояла там в сборе и казалась высокой на голубом море. Четыре корабля, и еще один побольше в стороне. Мы направлялись к «Несравненному». Флаг с гербами развевался на шегле большой мачты. Жерла орудий

блестели в пушечных портах. Снасти бросали тонкую тень на гладкую воду; прозвонил колокол.

Гребцы торопились, налегая на весла, немножко пены брызнуло мне на руки. Мы причалили и по веревочной лестнице взобрались на борт. Было как раз время. Якоря подымались на ворот. Готовились к отплытию. Я остался один; мой отец поспешил к Адмиралу. Отход оборвал наше прощание. Начались перекрестные свистки; раздавалась команда через рупор. Натянутые паруса вздулись. Отец мой был уже в шлюпке. Мы приветствовали друг друга издали; больше мы никогда не встречались.

Грубый спор, мой выход с хлопанием дверью, день гнева, проведенный в блуждании по полям, суровость пейзажа, окружавшего замок, сильный ветер этого жгучего лета, резкость надменной натуры, каприз неуступчивой гордости, все это вместе с оскорблением, полученным от отца, несправедливость и нелепость которого я переживал снова и снова, сделало из меня какого-то иступленного бесноватого, и, набрав полные карманы булыжника, с яростью в голове и в руках, вечером, с методичным бешенством я разбил камнями все стекла на фасаде замка, так что один удар ранил лоб дворецкого и раздробил бокал, который протягивал ему отец, после чего все дамы вскочили в ужасе из-за стола и убежали.

Садовники нашли меня на другой день в чаше парка, где я просыпал хмель моей дикой выходки.

Эти честные работники, одряхлевшие у нас на службе, не

очень были удивлены такой вспышкой. Они увидели в этом, без сомнения, естественное продолжение моих ребяческих проступков – распахнутых мною птичников, истоптанных лужаек, сломанных затворов и однажды варварски срезанных всех лучших роз сада, которые я разбросал по аллеям.

Во время этой выходки мне было семь лет. Воспитание мое с тех пор перешло из рук женщин в руки учителей, которые сменялись каждый месяц нескончаемой вереницей. Я вспоминаю престранные фигуры. Среди них были и толстые, и худые, с большими животами и плоскими спинами, с обликом духовных лиц и с учеными манерами, были истертые лица старых церковников и глупые физиономии юных мирян, от одних так и несло ризницей, от других – библиотекой. Я вспоминаю о них, как о нарушителях моей свободы, и от них всех остались мне кое-какие познания в латыни, еще меньше в греческом, никаких – по математике, отрывки из истории, и от одного из них, к которому я был достаточно расположен, и который где-то кончил свою жизнь поэтом, – точные сведения по мифологии вместе с знанием богов их знаков отличия и любовных историй.

Мои же – начались рано. Мансарды и житницы были местом моих походов. Моим первым забавам служили матрасы горничных и связки сена пастушек. Мне были знакомы и призывные звонки, прерывавшие любовную игру, и лай собак, смущающий во время объятий. Я обнимал талии служанок и мял деревенские груди. Жеманство камеристок от-

тенью наивность крестьянок. Но скоро жаргону одних и деревенскому говору других я стал предпочитать веселых девушек соседнего города. Благодаря одной из них и скандалу оргии, немного шумной, и случилась моя ссора с отцом, из-за его неуместных упреков, последствия которой я мог обдумывать на свободе на борту «Несравненного», под свист свежего ветра, который, вместе с зыбью, неся с открытого моря.

«Несравненный» имел на своем скульптурном носу морскую фигуру, крылатую, покрытую чешуей, позолоченную, а на корме – четырех гениев, поддерживавших, каждый одной рукой, по фонарю с переменным светом и дувших своими золочеными ртами в закрученные раковины.

Разноцветные птицы восточных вод и белые нырки северных морей вились вокруг блуждающих огней нашего корабля.

Голова морского бога отражалась в зеркальных водах и покрывалась брызгами шумных волн. От тропического солнца трескалась ее иссохшая позолота, и луны полярных ночей серебрили ее ледяную улыбку. Она видела недвижными глазами своими выгибы заливов и углы мысов; ее уши внимали безмятежной гармонии прибоя на песчаных отмелях и бушеванию волн у береговых скал.

Разные чужеземные люди подымались на палубу. Мы принимали бородатых людей в одеждах из жирной кожи. Они приносили нам, ничего не говоря, рога оленей, моржевые

клыки и медвежьи шкуры; желтые и церемонные карлики предлагали нам шелковые коконы, резную слоновую кость, лаковые вещи и вырезанных из нефрита, похожего на лягушечью икру, насекомых и божков; негры протягивали нам легкие перья, осыпанные золотой пылью, а с одного уединенного острова прибыли к нам женщины с зеленоватой кожей, и они плясали, жонглируя красными губками.

В течение четырех лет я странствовал таким образом по всем морям. Якорь наш впивался в кораллы мадрепор и в граниты рифов. Ветер, вздувавший наши паруса, дышал то запахом солнца, то запахом снега. У всех берегов делали мы запасы пресной воды. Зеленая вода болот, чистая вода каменистых ключей оставляли одна за другой на дне бурдюков свой ил и свой песок.

Я посетил много портов: кишаших под солнцем, вязнувших под дождем, стынувших среди льдов, таких, в которых стоят большие корабли, таких, которые ютят раскрашенные фелуки, и, таких, в которых прячутся лишь несколько пирогов из коры. Города являлись нам в лучах зари и на закате, то великолепные, то жалкие, громоздившие ступени своих дворцов или прислонявшие к холмам нестройные кучи своих хижинок, такие, в которых по ночам слышится гул музыки или в сумерках – песня рыбака, вытаскивающего сети.

Мы приветствовали дождь в мраморных палатах и эскимосов в глиняных юртах. В грязных вертепах мы пресыщались голыми рабынями; в великолепных залах мы ухаживали

ли за нарядными дамами. Дымные лучины и светлые канделябры озаряли наши сны.

Так я узнал все моря. Мы эскортировали королевских особ и охраняли купеческие корабли. Иногда наши орудия рыкали. Расстился серный дым, разрывае́мый золотыми молниями. Я узнал и трепет корабля от пушечных залпов, и сотрясение от ядер, вонзающихся в киль. Порванные паруса повисали на сломанных мачтах. Я видел, как тонули корабли. Поджигательные снаряды пиратов не уступали железным крючкам корсаров. Но море еще страшнее тех, что кровеняют его. Я видел все его лики: детский лик утра, его лицо полудней, струящееся золотом, его вечернюю маску медузы и бесформенные лики ночи. Добродушная его угрюмость сменялась буйством ураганов. Некий бог обитает в его изменчивых водах; иногда он подымается среди хрипа ветра и рокота зыбей, ухватившись за гриву волн и космы водорослей; облик его создается из пены и водяной пыли; его таинственные руки выпускают когти, и стоя во весь рост, с торсом из смерча, в плаще из тумана, с облачным лицом и молниенными глазами, он вздымает свой призрак из валов и шквалов и, неисчислимый, рушась среди чудовищного лая волн, под гиканье пастей, раздираемый когтями, исчезает в грохоте своего падения, чтобы вновь возникнуть из слюны собственного бешенства.

Море было однообразно тихо и зеркально, когда мы вступили в воды острова Леранта. Мы шли издалека после дол-

гого плавания по туманным водам. Ледяные глыбы растаяли при нашем приближении к этим теплым областям; небо понемногу разъяснело, появилось солнце. Пурпурный флаг вился в легком ветерке, фигура на носу отражалась в зеркале, непрерывно разбиваемом перед ней быстро несущимся кораблем, который дробил хрусталь, и однажды, на закате дня, вахтенный крикнул: «Земля»! Берег показался на одно мгновение в зеленом и розовом сиянии, но с наступлением сумерек влажный туман окутал корабль и затянул все море вокруг нас. Мы медленно подвигались по лиловой воде, в мягкой сырости этих воздушных тканей, прозрачных и волнистых.

Лоцман правил осторожно. Причал был опасен, и место знаменито своими кораблекрушениями. Смутные суеверия окружали этот знаменитый и очаровательный остров, божественный и некогда обитаемый сиренами.

Вдруг, взяв на штиль, «Несравненный» замедлил ход и остановился! якорь заел; тонкий паутинный туман, зацепившись за мачты, повис завесами.

Мы были очень близко от невидимого острова. Мало-помалу распространился восхитительный запах деревьев и цветов.

Приказ о том, что никто не должен покидать борта, резко положил пределы нашему любопытству. Никто этой ночью не должен был сходить на землю. Шумы с острова долетали к нам издали, как бы утончившись от мглы.

Мои товарищи ушли один за другим. Огни погасли. Я облокотился на борт, вслушиваясь в неуловимый трепет снастей и в шаги часового, и так стоял в темноте, насторожив ухо. Позже мне показалось, что я слышу музыку. Она уповательно пела там, прерываясь, как бы просачиваясь сквозь поры тумана. Мягкая губчатость ночи заглушала звуки, но, в конце концов, мне удалось различить концерт на флейтах.

Решение мое было принято быстро. Лоцман дал мне указания. Корабль стоял на якоре посередине песчаной бухты, в пятистах туазах от берега. Я спустился в свою каюту, привязал на шею маленькую буссоль и прокрался на нос корабля, где была фигура Быстро раздевшись, в последний раз определил направление и по спущенной веревке беззвучно соскользнул в море.

Вода была теплая и нежная, и плыл я без шума. Скоро корабль исчез из глаз. Вода журчала у ушей. По временам я ложился на спину, чтобы проверить направление. Скоро я услышал шум волны на береговом песке. Туман просветлел и стал прозрачным паром. Я встал на ноги. Плавающие водоросли коснулись моих обнаженных бедр. Запах речных цветов слился с ароматом морских растений. Маленькая роща казалась темным пятном. Она доходила до самого моря, откуда вздымалась белизна мраморной террасы. От нее вела вниз лестница. Со ступеней тихо стекала вода. С каждой стороны стояло по женской статуе; отлив обнажил их бедра и превратил их в сирен. Гладкая чешуя их хвостов была влажной

под моими руками. Я приблизился к одной, потом к другой и, приподнявшись, поцеловал каждую в губы. Уста их были свежие и соленые. Я взошел по ступеням. Наверху – остановился. Звезда блестела над деревьями; широкие аллеи открывались в толще их. Я пошел по средней; она вела к площадке, круглой и обрамленной аркадами из бруска, под которыми били, журча, фонтаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.